

Букин и Бубукин — башенные стрелки — познакомились, когда получали обмундирование. В списках танковой роты их фамилии стояли рядом, поэтому оба были вызваны на вещевой склад одновременно. Расписываясь за шлем и комбинезон, за куртку и башмаки, Бубукин увидел подпись Букина. Она была длинная, чуть ли не во всю строку. После слога «Бу» шёл ряд многочисленных то ли крючочков, то ли полуколечек, заканчивалась подпись, как полагалось, буквой «н», но не простой буквой, а с хвостом, закрученным, как пружина.

— Ну и подпись! — изумился Бубукин. — Посмотришь — голова кружится... Я вот ставлю «Бу» — и дело с концом!

— Твоя фамилия длинная, — отозвался Букин, влезая в новый комбинезон, — и сам ты вон какой здоровила. А я маленький, фамилия у меня короткая. Пусть хоть подпись будет большая.

После такого разговора и началась у Букина с Бубукиным фронтовая дружба.

Нет на свете дружбы крепче, чем фронтовая. Быть товарищами на войне — это ведь не в кино ходить вместе, не лакомиться вместе пирогом в день рождения. В бою нет ни кино, ни пирога. Там есть враг, который стремится убить тебя самого и твоего друга. Верность в дружбе, крепость её враг испытывает огнём. Да не один раз, а на протяжении всей войны.

Дружбу Букина и Бубукина фашисты проверяли и в самом Берлине. Берлин был тогда столицей фашистской Германии. Чтобы скорее кончилась война, надо было скорее взять этот город. В штурме Берлина участвовали пехотинцы и артиллеристы, сапёры и лётчики, связисты и миномётчики, и, конечно, танкисты.

Танку трудно воевать на городских улицах. В поле, в степи можно мчаться на хорошей скорости, обходить укрепления врага стороной, атаковать их с тыла. А в городе, среди каменных построек, танк словно среди крепостей. Опасно каждое окно, опасны чердаки и подвалы — отовсюду фашисты могут выстрелить фаустпатроном.

За углами домов, за каменными завалами прячутся пушки — тоже целят в танк. Под асфальтом мины: надавит танк гусеницей на невидимую мину — гремит взрыв.

Так вот и случилось: в уличном бою, помогая пехоте пробиваться к центру города, танк Букина наехал на мину, взрывом изуродовало гусеницу, танк остановился; а в танк Бубукина попал снаряд, заклинило орудие танка, невозможно было наводить орудие в цель.

Рации в обоих танках работали хорошо. И командиры экипажей договорились: танк с заклиненной пушкой возьмёт танк с разбитой гусеницей на буксир. Из двух неисправных машин получится одна исправная — можно продолжить бой. Обидно сидеть сложа руки, когда идёт последнее сражение войны.

Танк Бубукина направился к танку Букина. И в это время мелькнула в развалинах разбомблённого дома фигура фашиста с фаустпатроном. Враг крался к неподвижному танку. Фаустпатрон, в переводе с немецкого на русский — кулак-патрон, появился у врага в конце войны. Реактивный снаряд этого оружия летел недалеко, метров на сто, но взрывался так сильно, что мог уничтожить танк со всем экипажем. Самым незанятым в эти минуты был Бубукин (пушка-то его стрелять не могла), и он не мешкая выскочил через башенный люк из танка, побежал с автоматом к развалинам. Надо было помешать фашисту стрелять фаустпатроном.

Фашист был упрямый. Он отложил в сторону фаустпатрон, начал бить короткими очередями из своего автомата в Бубукина. Наш танкист тоже стрелял. Прячась за грудками кирпича, приближался к фашисту.

Бубукин был совсем уж близко от врага, когда тот перестал стрелять. «Почему фашист не стреляет? — подумал Бубукин. От догадки мороз пробежал по коже. — Верно, фашист отложил автомат и целит фаустпатроном в танк Букина. Сейчас выстрелит...» Бубукин бросился к укрытию фашиста. Навёл автомат, нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало — патроны кончились. Тогда Бубукин с высокой груды обломков прыгнул на врага, ногами выбил из его рук фаустпатрон. Фашист мгновенно вскочил, готовый вцепиться в нашего бойца. Но, увидев человека в замасленном комбинезоне, с лицом, тёмным от копоти, его гневные глаза и огромные кулаки, побежал. Бубукин схватил автомат врага — он тоже оказался без патронов. Тогда танкист запустил вдогонку фашисту половинку кирпича.

— Ну, гад, — крикнул Бубукин, — второй раз не попадайся! Отверну голову!

Забрав оружие врага, Бубукин вернулся к товарищам. У них всё уже было готово — буксирный трос закреплён, можно в бой.

Они славно поработали. Букин из своей пушки выстрелил все снаряды по фашистам. Потом перенесли к нему снаряды из танка Бубукина. Они тоже пошли в дело.

Воюя, танкисты вызвали ремонтников. Те прибыли со всем необходимым. Принялись чинить танки. Но воевать уже было не нужно. Во второй половине того дня, а было 2 мая 1945 года, немцы по всему Берлину вывесили белые флаги. Делали их наскоро — из простыней, полотенец и даже из носовых платков. Белые флаги означали, что Берлин сдаётся.

По улицам, засыпанным битым стеклом и камнем, мимо изрытых взрывами скверов, разрушенных домов, мимо сгоревших танков и раздавленных пушек двинулись вереницы вражеских солдат и офицеров — сдаваться в плен. На площадях они складывали оружие, и очень скоро там образовались горы касок, автоматов, пулемётов, гранат, пистолетов, винтовок — всего, что час назад грозило смертью нашим бойцам.

Фашисты шли, опустив глаза, смотрели в землю. Им было страшно — ведь придётся держать ответ за горе, причинённое людям, и было стыдно — хотели взять Москву, но Москву не взяли, а Берлин сдали. На самом главном здании Берлина, на рейхстаге, развевалось Красное знамя. Его, в знак нашей победы, подняли в разгар жестокого сражения храбрые советские солдаты.

...Через неделю после взятия Берлина капитулировала вся фашистская Германия. На землю пришёл мир. Все страны и народы ликовали. Все славили Советскую Армию, посылали привет нашим солдатам и командирам.

И природа радовалась. Весеннее солнце светило светло, грело тепло. Навстречу свету и теплу из почек на деревьях вылезали прозрачные листочки, трава зелёными ленточками колыбалась под майским ветром. В небесах летели стаи перелётных птиц.

— Смотри, — сказал Букин Бубукину, — сколько птиц летит! Хорошо, что война кончилась. Самолёты в самую пору освободили небо птицам. И мы не пугаем их выстрелами.

С утра 9 мая Букин и Бубукин прихорашивались — побрились, умылись, причесались, почистили комбинезоны, навели глянец на

обуви, — и запаслись баночкой краски и кисточкой. Они готовились пойти к рейхстагу. Прошёл слух, что все, кто брал Берлин, идут к этому огромному зданию, где прежде заседало правительство фашистов, и пишут на стенах, на колоннах свои фамилии — оставляют автографы на добрую память друзьям и в назидание врагам. Говорили, что сам прославленный маршал Георгий Константинович Жуков расписался на рейхстаге.

Действительно, площадь перед рейхстагом была полна наших солдат и командиров. В разных её местах играли гармошки и аккордеоны; где плясали, где пели. А стены рейхстага и колонны были испещрены различными фамилиями. Надписи всё прибавлялись и прибавлялись. На уровне человеческого роста всё уже было заполнено ими.

— Опоздали, — сказал Бубукин. — Места не осталось!

— Что ты! — засмеялся Букин. — Нам-то как раз самое лучшее оставили. Встань-ка покрепче. Я с твоих плеч расписываться буду.

— Друг-танкист! — попросил Бубукина низкорослый сержант в погонах связиста. — Подсади и меня!

— Залезай, — согласился Бубукин, когда Букин спрыгнул на каменные ступени.

— Братья-славяне! — закричал весёлый артиллерист. — Кто ростом не вышел — скорее сюда. Пока плечи танкисту не оттоптали.

Подсобив желающим, Бубукин сгрёб всех их в кучу, придвинул к колонне, приказал: «Ни шагу назад!» — и сам вскарабкался на их плечи. Букин подал ему кисточку и краску.

— погоди, — сказал сверху Бубукин Букину, — роспись-то не твоя. Ты же не так расписываешься. Где же твои крючки и загогулины?

— Правильно! — согласился Букин внизу. — Но если бы я расписался с загогулинами, то кто бы прочёл, что и я брал Берлин?

— Хитёр ты у меня! — проговорил Бубукин и вместо обычного «Бу», как он расписывался в различных бумагах, вывел печатными буквами полную фамилию. Рядом, помельче, приписал: «Рязань».

Друзья-танкисты отошли от колонны, чтобы не мешать расписываться другим. Издали читали надписи. Перед ними была неви-

данная книга. Она рассказывала о великом подвиге советских людей. Называла героев жестоких сражений поимённо. Называла сёла и города, откуда герои родом.

«Жуков — Москва. Васильев — Ленинград. Петров — Тула. Гончаренко — Полтава. Богданович — Минск. Гоцеридзе — Тбилиси.

Берзиньш — Рига. Хабибуллин — Казань. Гусейнов — Баку. Керимбаев — Алма-Ата»...

Вся Советская страна, все советские люди брали город Берлин.

*

Митяев, А.В. Шестой-неполный [текст]: рассказы о Великой Отечественной войне: [6+]/ Анатолий Митяев; рисунки Н. Цейтлина.- Москва: Детская литература, 1987.- 160с.: ил.